

УДК 316.4:321.01:32.019.5

СУВЕРЕНИТЕТ И ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОГО ГЛОБАЛИЗМА: УТРАТА
СУБЪЕКТНОСТИ И ПУТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Терентьева Валентина Ивановна - канд.пед.наук, почетный доктор,
профессор РАЕН, главный редактор "Вестник Восточно-Сибирской открытой
Академии", Россия
vsoacadem@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается феномен суверенитета в условиях глобализации и цифровой трансформации общества. Анализируются исторические и современные угрозы субъектности государства, включая деятельность наднациональных структур («дипстейт»), подрыв культурной идентичности и технологической независимости. Особое внимание уделено кадровой политике периода перестройки и постперестроечного времени, проводимой при участии зарубежных спецслужб и организаций, что способствовало внедрению управленческих кадров, ориентированных на интересы транснациональных центров силы. На основе Конституции РФ и указов Президента раскрываются правовые основания суверенитета, а также его военно-политические, экономические, технологические и социокультурные измерения. Отмечаются достижения и сохраняющиеся проблемы в сфере восстановления национальной субъектности.

Ключевые слова:

суверенитет; социокультурный суверенитет; технологический суверенитет; военно-политический суверенитет; экономическая независимость; субъектность государства; цифровое рабство; глобализация; культурная идентичность; национальная безопасность; традиционные ценности; цивилизационный выбор.

SOVEREIGNTY AND CHALLENGES OF DIGITAL GLOBALISM: LOSS
OF SUBJECTIVITY AND WAYS OF RESTORATION

Terentyeva Valentina Ivanovna - PhD in Pedagogy

Abstract

The article examines the phenomenon of sovereignty in the context of globalization and digital transformation of society. It analyzes historical and modern threats to the state's subjectivity, including the activities of supranational structures (deep state), the undermining of cultural identity, and technological independence. Special attention is paid to the personnel policy during the period of perestroika and post-perestroika, which was carried out with the participation of foreign intelligence agencies and organizations, contributing to the introduction of management personnel focused on the interests of transnational centers of power. Based on the Constitution of the Russian Federation and the President's decrees, the article explores the legal foundations of sovereignty, as well as its military-political, economic, technological, and sociocultural dimensions. It highlights the achievements and ongoing challenges in restoring national sovereignty.

Keywords:

sovereignty; sociocultural sovereignty; technological sovereignty; military-political sovereignty; economic independence; state agency; digital slavery; globalization; cultural identity; national security; traditional values; civilizational choice.

Введение

В редакции Указа Президента Российской Федерации от 2014 года культурная идентичность России была определена как стратегический ресурс развития: *«Государственная культурная политика призвана обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу*

экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны» [2].

Проблематика укрепления социокультурного суверенитета сегодня приобретает особую значимость. Речь идет о сохранении и субъективизации духовно-нравственных и культурных оснований, определяющих идентичность русского народа. В предыдущих исследованиях нами было показано, что процессы глобализации ведут к трансформации этого феномена: наблюдается деструкция традиционных ценностей, релятивизация общечеловеческих норм этики и права. Вместе с тем государственный суверенитет способен выступать фактором гуманизации, диалога и реализации «мягкой силы» во взаимодействии с другими странами [9,10].

Особое внимание необходимо уделить идеологическим вызовам современности. В XX веке профашистские движения активно использовали идеи Ф. Ницше, З. Фрейда, А. Камю, Ж.-П. Сартра, в которых критически рассматривалась роль религии, а ключевой принцип формулировался как «воля к власти». В современных условиях эти концепции находят новую интерпретацию и продвижение через цифровые коммуникационные платформы, что формирует угрозу для традиционных ценностных оснований культуры и морали [9].

Как отмечает А. Фурсов, современный «глубинный государственный аппарат» («дипстейт») во многом опирается на подобные мировоззренческие установки. Его стратегическая цель связана с проектом формирования глобального цифрового пространства, которое в критической литературе описывается как «цифровой концлагерь» [11].

Современный мир вступил в фазу радикальных изменений, связанных с цифровизацией, глобализацией и усилением наднациональных структур управления. Как отмечает А. Фурсов, деятельность «дипстейта» носит системный характер и охватывает не только экономическую и политическую сферы, но и культурно-идеологическую. С 1954 года регулярные заседания

Бильдербергского клуба и аналогичных площадок позволили западным элитам вырабатывать долгосрочные программы глобального контроля.

Эти программы в XX веке прошли три стадии:

- в начале века — в форме идей о «переустройстве мира»;
- в 1940-е — в форме войн и разрушения государств, посмевших изменить социальную иерархию;
- в 1970-е — в виде конкретных планов по внедрению ультраглобализма, включая работу с кадрами в странах социалистического лагеря.

Общая цель этих программ — построение цифрового концлагеря, жёсткий контроль над населением и ресурсами, минимизация частной собственности и наличного обращения.

Таким образом, в современном мире социокультурный суверенитет следует рассматривать не только как фактор национальной идентичности, но и как основу устойчивого развития государства. В условиях глобализации ключевым вызовом становится сохранение культурной целостности при одновременном участии в мировых интеграционных процессах.

Особое значение приобретает цифровая сфера, которая выступает одновременно источником инновационного развития и инструментом контроля. С одной стороны, цифровизация расширяет возможности коммуникации, образования и науки; с другой — порождает риски утраты личной свободы, манипуляции массовым сознанием и формирования так называемого «цифрового рабства». [6,13]

В этой связи актуализируется исследование механизмов укрепления социокультурного суверенитета, включающих:

- защиту национальных культурных и образовательных традиций;
- развитие гуманитарной политики как основы «мягкой силы»;
- формирование этических регулятивов цифрового пространства;
- противодействие деструктивным идеологическим практикам,

способствующим разрушению ценностных оснований общества.

Проблематика статьи заключается в выявлении противоречия между необходимостью цифрового развития и угрозами социокультурной идентичности.

Цель исследования — анализ концепта социокультурного суверенитета в условиях цифровизации и глобальных трансформаций, а также поиск путей его укрепления как основы культурной и политической устойчивости России.

I. Дипстейт и программы глобального контроля

В XX–XXI вв. особую роль приобрели транснациональные структуры («глубинное государство»), обладающие возможностью влиять на внутренние процессы государств. Ключевая их задача — ограничение суверенитета стран, представляющих альтернативу западному проекту.

В условиях глобальной конфронтации СССР и Россия рассматривались как основная угроза. Для их нейтрализации использовались различные инструменты: идеологическая экспансия, подрывные спецоперации, агентурные сети, поддержка «реформаторов», готовых разрушить национальные институты.

К 1990-м годам эта деятельность вылилась в масштабное разрушение экономики, системы образования, науки и культуры. Потеря субъектности проявилась в зависимости от внешнего финансирования, управленческих моделей и даже кадровой политики. Например, есть очевидцы, которые доказывают, что во время перестройки 1991 – 1993 г.г. в Госкомимуществе, возглавляемом А. Чубайсом, находилось большое количество иностранных граждан, которые создавали программы, постановления и законы, по которым объекты имущества России переходили в частные руки граждан России, а позже их собственниками становились иностранные граждане. Для управления процессами в регионах подбирались «свои» люди. Понятно, что когда они понимали возможность личного обогащения, они легко брали на себя эту миссию. Так шел отбор кадров [14,15].

По данным А.И. Фурсова, дипстейт сегодня – это две основные группировки. Общее у них – это создание цифрового концлагеря, жесткий контроль над населением и ресурсами. У людей не должно быть собственности, наличности, т.к. цифровой капитал – это власть. Различия. На какой основе создается и как будет функционировать этот цифровой мир. Первая группа (представитель Шваб). – считает, что необходимо биологически закрепить социальное различие. Впервые в 2018 в Сантопе (40 чел.) это направление было озвучено, т.е. «верхи» и «низы» должны различаться как два биологических вида. «Верхи» живут 120 лет, питаются качественными белками, эко условия и др. «Низы» живут в мегаполисах, где каждый шаг под контролем. Мир плоский (Томас Фридман). Есть несколько программных центров, которые связаны между собой.

В 60-70 г.г. фантасты СССР создавали сказочные миры, где расслоение между людьми по интеллекту, технологическому статусу и материальному благополучию было запредельным. Ущемленное население Вселенной готовит бунты и революции, но все безуспешно. Одни – низшее сословие, другие – высшее - купаются в изобилии.

Второе направление, по мнению автора – Технат, т.е. зона в виде пирамиды, например, «Северная Америка», на вершине которой несколько кланов (финансовых и производственных), которые управляют миром. Важно, что здесь сохраняется государство, рабочий класс. Сегодня глубинная власть США выдвинула Д.Трампа на подготовку такой системы. Для этого необходимо сломать прежний порядок отношений стран и их контроль над мировыми процессами. При этом, турбулентность происходящего слишком велика и непредсказуема.

Следовательно, отбор кадров в соответствии с задачами перестройки, в которой были заинтересованы, прежде всего, глубинные структуры Запада, потеря суверенитета и инициативы, и попытка встроиться в политическую и экономическую систему Запада; - все это привело к снижению морально-

нравственных норм россиян, экономического благополучия и их качества жизни и, как результат, – авторитета России на мировой арене.

Глава II. Суверенитет как понятие и правовой принцип. Дипстейт и утрата субъектности: проблемы и решения

История показывает, что народы и государства неоднократно сталкивались с угрозой утраты самостоятельности. В конце XX века страны социалистического лагеря, включая СССР, постепенно начали терять субъектность. Несмотря на внешние декларации о развитии в интересах народов, на деле происходил упадок экономики, управленческих институтов и культурной сферы: науки, образования, медицины, права, средств массовой информации и искусства. Этот процесс сопровождался формированием внешних и внутренних агентурных сетей, способных влиять на кадровую политику и продвигать «назначенцев» во власть.

2.1. Суверенитет в конституционном праве России

Значимость понятий «ценности» и «суверенитет» была закреплена на законодательном уровне в Конституции Российской Федерации [1]. В редакции 2020 года появились важные положения:

Статья 2. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства.

Статья 3. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ.

Статья 4. Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю её территорию.

В Указе Президента РФ 2023 года введено понятие «культурный суверенитет» как совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать зависимости от внешнего влияния, противостоять деструктивным идеологическим и информационным воздействиям, сохранять историческую

память и придерживаться традиционных духовно-нравственных ценностей [2]. При этом подчеркивается, что деятельность ряда государств, международных организаций и транснациональных корпораций направлена на подрыв культурного суверенитета и обострение конфликтов.

Несмотря на постоянные акценты на «высших ценностях» и «суверенитете» в выступлениях Президента, данные категории остаются недостаточно раскрытыми и конкретизированными в действующих правовых актах.

2.2. Виды суверенитета в современных условиях

Согласно исследованию Д. Аникина [3] и других, суверенитет представляет собой многоаспектное явление и включает:

- Военно-политический суверенитет — способность государства принимать самостоятельные решения в сфере внутренней и внешней политики для обеспечения безопасности.
- Экономический суверенитет — развитие таким образом, чтобы по ключевым направлениям экономики не зависеть от внешних акторов; обеспечение устойчивости жизнедеятельности общества и государства.
- Технологический (технокультурный, научный) суверенитет — наличие критически важных технологий и собственных производственных мощностей, позволяющих достигать национальных целей и реализовывать интересы под национальным контролем.
- Социокультурный (общественный) суверенитет — способность общества к консолидации ради решения общенациональных задач, уважение к истории, культуре, языку и многообразию народов России.

Таким образом, суверенитет в современном понимании является интегральной категорией, охватывающей не только правовые и политические, но и культурно-ценностные, экономические и технологические аспекты.

2.3. Проблемы реализации технокультурного суверенитета

Сегодня в России ведётся активная работа по восстановлению производственного и культурного потенциала, однако её темпы остаются недостаточными для обеспечения устойчивого развития. Так, в выступлении В. Ю. Катасонова, посвящённом технологическому суверенитету, отмечалось: «Председатель Правительства РФ сообщил о «рывке станкостроения»: сегодня выпускается 11,8 тыс. единиц. Для сравнения, в 1970–1980-е годы в СССР ежегодно производилось около 200 тыс. станков» [7].

Особое беспокойство вызывает зависимость в области микроэлектроники: элементная база радиоэлектронных устройств и микросхем, используемых в приборах, в значительной мере импортируется. На протяжении десятилетий специалисты обращают внимание на необходимость системного решения этой проблемы. И если в прежние годы эти технологии принадлежали и приобретались у западных корпораций, то сегодня, в первую очередь, они ввозятся из Китая.

Технокультурный (научный) суверенитет или его видимость?

Не один десяток лет в СМИ не умолкает радостный шум от проходящих молодежных конференций, съездов, встреч, на которых рассказывается о достижениях в мире технологий, роботизации, цифровом суверенитете. Разработка Национальной технологической инициативы (НТИ) началась в соответствии с поручением Президента России В. В. Путина по реализации послания Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 года. Правительство РФ совместно с Агентством стратегических инициатив по продвижению новых проектов (АСИ), Российской академией наук (РАН), ведущими университетами и деловыми объединениями предпринимателей занялись разработкой и реализацией НТИ. Цель: обеспечение глобального технологического паритета России и стран – технологических лидеров. Системообразующими документами НТИ стали «дорожные карты», нацеленные на формирование перспективных технологических рынков [16]. Дополнительно при президиуме Совета по модернизации была создана специальная межведомственная рабочая

группа. Жаль, что в открытом доступе нет отчетов работы приведенных выше структур.

На конференции «Технологический суверенитет и общее видение стран БРИКС 2024» 16 октября 2024 года в Москве встретились представители власти и технологических компаний из России и стран БРИКС, организатором по всей стране являлась «Национальная технологическая инициатива» (НТИ). Участники дискутировали об образах будущего и о том, как достигнуть наиболее предпочтительных из них. Здесь же сообщалось, что на технологии на 2025 – 2027 годы в федеральном бюджете заложено около 6 триллионов рублей, это больше, чем на образование и что «развитие» на данном этапе превращается в «технологический суверенитет» (ТС).

Возникает противоречие: при активном информационном сопровождении — многочисленных форумах, конференциях, отчётах о «цифровом суверенитете» и роботизации — фактическая зависимость от внешних технологий сохраняется. Это ставит под вопрос реальность достижения полноценного технокультурного суверенитета.

III Глава. Цифровая сфера - источник инновационного развития и цифрового рабства

Сегодня мы не представляем себе жизнь без гаджетов, компьютеров, цифровых систем в медицине, образовании, государственном управлении, транспорте, финансах, промышленности и другом. В тоже время, людей все больше начинает беспокоить, что повсеместная цифровизация снижает их личностное пространство и безопасность. 26 июля 2025 г. в Шанхае выступил Дж Хинтон, лауреат Нобелевской премии по физике за 2024 год и других премий, «крестный отец искусственного интеллекта» [13]. Понимая всю ответственность, ученый сказал об опасности искусственного интеллекта: - «Международное академическое сообщество должно объединить усилия, чтобы предотвратить возможность уничтожения человечества искусственным интеллектом, нацеленным на самосохранение».

Мы считаем, что еще вчера, когда возможности ИИ были ниже, взлом хакерами компьютеров, архивов секретных служб, уничтожение информации, создание и распространение компьютерных вирусов, программных ключей и т.п. было делом наиболее сильных программистов. Сегодня, когда ИИ стал более совершенным, подобный вред могут нанести люди с низкой репутацией и невысоким интеллектом.

В статье Григорян Л.А., Лозовицкой Г. П., Мамаджановой М.М., Рассихиной Д.Ю., в частности, заявлялось: - Отсутствие механизмов правового регулирования алгоритмических решений может привести к рискам нарушения прав граждан, принятию ошибочных решений ввиду непрозрачности большинства существующих механизмов. На сегодняшний день нет возможности правового обжалования подобных автоматизированных решений, а также не предусмотрена обязанность государственных органов объяснять, как именно работают их алгоритмы [5].

В ряде своих выступлений Председатель правления АРПП Наталья Касперская заявляет о ключевых рисках «тотальной цифровизации» [6]. Во-первых, это то, что цифровизация не дает гарантии информационной безопасности личных данных; во-вторых, все цифровое оборудование закупается в США или Китае, это значит, что сегодня нет кибербезопасности гражданина, страны; в-третьих, чиновники повсеместно вводят электронных помощников (роботов), что в значительной мере снижает качество обслуживания, но это уже никого не волнует; цифровизация должна дублировать бумажный документ, т. к. в случае чрезвычайных обстоятельств при отключении нейрокибернетической системы, будут потеряны все ориентиры и возможности. Ответственных за ситуацию «черного ящика» не будет.

Рассмотрим данные явления подробнее.

3.1. Цифровизация как глобальный процесс

Цифровая трансформация в последние десятилетия стала не только технологическим, но и цивилизационным фактором развития. Интернет, искусственный интеллект, большие данные, блокчейн и новые коммуникационные платформы радикально изменили не только экономику, но и формы социальной жизни. Государства, корпорации и даже отдельные личности получили в руки инструменты, позволяющие ускорять производство знаний и благ, формировать новые рынки и способы коммуникации.

Однако универсальность и глобальность цифровых технологий сделали их также инструментом геополитического соперничества. Именно в цифровой сфере сегодня формируются новые центры силы, где информационные потоки, алгоритмы и базы данных приобретают значение, сопоставимое с традиционными ресурсами – нефтью, газом, водой и продовольствием.

Для западной цивилизации цифровизация во многом стала способом поддержания глобального доминирования. Создание монополий в сфере программного обеспечения, социальных сетей, поисковых систем и облачных сервисов позволяет контролировать не только экономические процессы, но и информационное пространство, ценностные ориентиры и даже поведение людей.

В этой логике цифровизация постепенно превращается в форму «мягкой силы», а в ряде случаев – в инструмент скрытого давления и подчинения. Через цифровые платформы формируется зависимость пользователей от заданных алгоритмов, нормируется поведение, внедряются модели потребления и мышления, соответствующие интересам глобальных элит.

Для России принципиально важно видеть двойственную природу цифровых технологий: они могут стать и источником модернизации, и механизмом порабощения. Поэтому вопрос о *цифровом суверенитете* следует рассматривать не только как технологическую задачу, но и как проблему национальной безопасности и сохранения культурной идентичности.

3.2. Механизмы цифрового контроля: от идентификации до алгоритмического управления

Современные цифровые технологии создают новые возможности не только для развития общества, но и для его тотального контроля. В первую очередь речь идет о системах идентификации, слежения и алгоритмического управления, которые все чаще становятся инструментом политического и экономического давления.

- Идентификация и персональные данные. Электронные паспорта, цифровые профили, системы биометрии и повсеместное использование социальных сетей формируют гигантские массивы данных о каждом человеке. Эти сведения позволяют не только «узнавать» пользователя, но и предсказывать его поведение, управлять его предпочтениями и ограничивать свободы.

- Алгоритмическое управление. Программы искусственного интеллекта и нейросетевые алгоритмы способны не просто анализировать поведение людей, но и формировать новые модели мышления. Пользователь видит в интернете только то, что ему «разрешает» алгоритм, и постепенно оказывается в замкнутом информационном поле. Так формируется эффект цифровой зависимости, где свобода выбора становится иллюзией.

- Социальные рейтинги и цифровая сегрегация. Наиболее очевидный пример — система «социального кредита» в Китае, где цифровые профили граждан определяют их доступ к финансовым ресурсам, транспортным услугам, образованию и даже к правосудию. Аналогичные тенденции, пусть и в менее открытой форме, проявляются и на Западе, где поведение пользователей всё чаще оценивается по «лояльности» к действующей системе ценностей.

- Транснациональные корпорации как новые субъекты власти. Компании, владеющие цифровыми платформами, фактически приобретают

надгосударственный статус. Они способны влиять на выборы, формировать общественное мнение, цензурировать контент, определять рамки допустимого поведения. В этом смысле цифровая среда становится ареной соперничества не только государств, но и частных структур, которые часто действуют вне рамок национального законодательства.

Таким образом, цифровой контроль постепенно подменяет традиционные механизмы власти. Если раньше субъектность государства определялась наличием армии, ресурсов и экономики, то сегодня ключевым фактором становится контроль над данными, алгоритмами и коммуникационными каналами.

3.3. Цифровое рабство и вызовы для культурного суверенитета

В современном мире цифровая среда стала не только пространством коммуникации, но и ареной борьбы за сознание и идентичность человека. Если ранее опасность заключалась в военной или экономической зависимости, то сегодня главным риском становится **цифровое рабство** — состояние, при котором личность и общество теряют самостоятельность, оказываясь в полной зависимости от цифровых технологий и управляющих ими структур.

1. Цифровая зависимость как новая форма несвободы.

Повсеместное использование смартфонов, социальных сетей, онлайн-платформ делает человека зависимым от информационного потока, который контролируется ограниченным числом глобальных корпораций. В результате формируется «информационный пузырь», где ценности, вкусы и модели поведения навязываются извне.

2. Утрата культурной субъектности.

Навязываемые цифровыми платформами образы, тренды и культурные коды подменяют национальные традиции и систему ценностей. В условиях глобализации именно культура становится первой мишенью: язык упрощается, история пересматривается, религиозные и нравственные основы подвергаются

сомнению. Всё это ведёт к постепенной утрате культурного суверенитета и подрыву идентичности народа.

3. Цифровая сегрегация и управление через доступ.

В условиях цифровизации контроль осуществляется не только через информацию, но и через доступ к социальным благам. Ограничение возможностей пользователя (блокировка аккаунтов, отключение от финансовых сервисов, запрет на участие в онлайн-коммуникациях) становится инструментом давления, фактически заменяя традиционные санкции.

4. Вызовы для России.

Для России особую опасность представляет зависимость от иностранной элементной базы, программного обеспечения и цифровых платформ. Отсутствие полного технологического суверенитета создает уязвимость, которая может быть использована для манипуляций и давления на общество. Таким образом, вопрос культурного суверенитета невозможно решать без укрепления технологической независимости.

Вывод. Цифровое рабство — это не метафора, а реальность, в которой уже живет значительная часть человечества. Противостоять этому можно лишь путем укрепления национального культурного и технологического суверенитета, создания собственных цифровых платформ, воспитания критического мышления и сохранения духовно-нравственных традиций. Только так возможно сохранить субъектность и избежать превращения общества в управляемый «цифровой объект».

Заключение

Современная Россия стоит перед вызовом восстановления полноты своего суверенитета. Опыт XX века показывает: потеря субъектности начинается не только с военных поражений или экономических кризисов, но прежде всего с утраты кадровой независимости и культурной идентичности.

Основные задачи:

1. Создание системы кадрового отбора, исключаящей влияние

внешних центров;

2. Развитие критически важных технологий под национальным контролем;

укрепление культурного суверенитета через образование, СМИ и искусство;

3. Конкретизация правового понятия «суверенитет» в действующем законодательстве;

4. Консолидация общества вокруг исторических традиций и национальных ценностей.

Без решения этих задач любые декларации о независимости останутся формальными. Суверенитет XXI века — это не только контроль над территорией, но и способность народа и государства определять собственный путь развития в условиях глобального давления.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (с поправками, одобренными в 2020 году). — М.: Официальный интернет-портал правовой информации, 2020. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.08.2025).

2. Указ Президента Российской Федерации от 07.11.2023 № 844 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». — М.: Президент РФ, 2023. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.08.2025).

3. Аникин Д. Суверенность как условие национального развития // Россия в глобальной политике. — 2023. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/suverennost-anikin/> (дата обращения: 24.08.2025).

4. Глазьев С. Ю. О стратегии устойчивого развития экономики России // Экономика и математические методы. — 2022. — Т. 58. — № 2. — С. 15–29.

5. Григорян Л.А., Лозовицкая Г. П., Мамаджанова М.М., Рассихина Д.Ю., ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ:

ПРАВОВЫЕ РАМКИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. – 2025. – № 57 www.es.rae.ru/vsoa/232-1572

6. Касперская Н.В. «Задача «отказ от бумаги к 2030 году» — это диверсия под госуправление»// сайт Народный собор, 11.08.2025/ Оформил Игорь Глуховский.

7. Катасонов В. Ю. Технологический суверенитет: вызовы и возможности для России // Экономические стратегии. – 2023. – № 4(198). – С. 25–37.

8. Питирим Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество; [Общ. ред., сост. и предисл., с. 5-24, А. Ю. Согомонова]. М.: Политиздат, 1992.

9. Терентьева В. И. Конфликт – диалог цивилизаций? Траектории развития // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. – 2025. – № 57. – URL: <http://www.es.rae.ru/vsoa/232-1566> (дата обращения: 24.08.2025).

10. Терентьева В. И. Цивилизационные ценности Новой России – хранительницы православия, с учетом социальных страт общества // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. – 2022. – № 47. – URL: <http://www.es.rae.ru/vsoa/222-1359> (дата обращения: 24.08.2025).

11. Фурсов А. И. Глубинное государство и мировой порядок: аналитические очерки. – М.: Книжный мир, 2021. – 384 с.

12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.

13. Джеффри Хинтон <https://tass.ru/nauka/24617763>

14. Чубайс А. Миссия реформатора: статьи и выступления (1989–1999 гг.). – М.: Республика, 2000. – 416 с.

15. Чубайс А. "ПАРТИЯ ГОСКОМИМУЩЕСТВА"

<https://history.wikireading.ru/203388>

16. ПМЭФ-2015: Национальная технологическая инициатива - лидерство России на глобальных технологических рынках к 2035 году// Агентство стратегических инициатив

Список сокращений и условных обозначений

- **КС** – культурный суверенитет
- **РФ** – Российская Федерация
- **СССР** – Союз Советских Социалистических Республик
- **США** – Соединённые Штаты Америки
- **СМИ** – средства массовой информации
- **НПО** – неправительственная организация
- **ТНК** – транснациональная корпорация
- **ООН** – Организация Объединённых Наций
- **ВОЗ** – Всемирная организация здравоохранения
- **Дипстейт** – «глубинное государство», совокупность закрытых транснациональных структур, претендующих на управление мировыми процессами
- **ТС** — технологический суверенитет
- **ИТ** – информационные технологии
- **НТИ** — Национальная технологическая инициатива
- **РАН** – Российская академия наук
- **АСИ** - Агентство стратегических инициатив
- **НТП** – научно-технический прогресс
- **НИОКР** – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
- **ВТО** – Всемирная торговая организация
- **ГМО** – генетически модифицированные организмы
- **МВФ** – Международный валютный фонд
- **НАТО** – Североатлантический альянс (North Atlantic Treaty Organization)
- **ЕАЭС** – Евразийский экономический союз